

Последняя запись собачьего одиночества

Век. — 1996. — 28 июля — 4 июля (№25)

Бенефис Армена Джигарханяна — это не шлягер

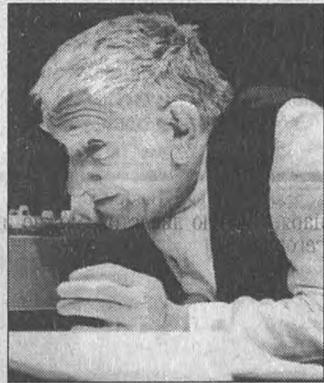
Антон ЧАРКИН

Крэпп... Это имя звучит подобно тяжелою кашлю больного туберкулезом. Крэпп — это хруст ломающихся костей. Крэпп — это хриплый собачий лай. Крэпп — это скрежет ржавого железа. Крэпп — это грубой креп. Крэпп — это символ ужасающего одиночества. Таков герой в исполнении Армена Джигарханяна — сердца, души, плоти, божества спектакля болгарского режиссера Крикора Азаряна «Последняя лента Крэппа», поставленного им по одноименной пьесе Сэмюэля Беккета в московском театре «Школа современной пьесы».

Поводов для принятия постановки у художественного руководителя «Школы» Иосифа Райхельгауза было по меньшей мере два — отмечающееся в нынешнем году 90-летие со дня рождения знаменитого драматурга (лауреата Нобелевской премии по литературе 1969 г., «великого абсурдиста») и пре-

красная возможность включить в репертуар своего театра очередной бенефисный, звездный спектакль.

Беккета часто критиковали и критикуют по сей день за унылость, пессимизм, пристрастие к страданию, будто не замечая, что он никогда не стремился выиграть дешевой, «мыльной» слезы. Его символизм никогда не был путаным, туманным. Наоборот, он подчас выглядит слишком конкретным, определенным, аскетичным. Таким же кажется спектакль «Последняя лента Крэппа». Действие длится менее полутора часов. Оно весьма сдержанное, суховатое, иногда скупое. Но стоит всмотреться, и открывается небывалая полнота спектакля. Он до краев полон уверенной игрой Армена Джигарханяна, который и вправду умеет все. Зритель ждет от него абсолютно узнаваемого, а тот его обманывает. Джигарханян нарочито не использует ярких, пестрых красок, ни на мгновение не пересекает грань, за которой начинается шлягер, даже

не приближается к ней. Он настолько внутренне насыщен, чувственно правдив, энергетически заряжен, что создает вокруг себя невидимое, но осязаемое притягательное, магнетическое поле. Иной мог бы воспользоваться таким огромным потенциалом весьма эффектно — играть на резких контрастах искрометных всплеск-разрядов и стремительных спадов. Джигарханян же пребывает в постоянном ровном напряжении, держит под строгим контролем свою

мощную стихию и создает образ героя степенно, обстоятельно, филигранно. Он будто смакует роль во всех проявлениях — и во внутреннем мире, и в пластике. Его Крэпп одновременно и страшен, и гадок, и жалок. Похоже, он сам вверг себя в ад одиночества и порой чувствует себя в нем весьма комфортно. Джигарханян играет это одиночество подобно симфонии.

Крэпп—Джигарханян — ужасный старик, несчастья старик. Ему нечем и незачем жить, но он живет. Что-то вспоминает. Из прошлого всплывают даже чуть ли не поэтичные фрагменты, но гадкий смешок-скрежет рвет их на мелкие части. Он одинок и опустошен настолько, что ему нечего сказать даже самому себе. Он много и долго молчит. А если и открывает рот, то издает едва внятные звуки, лишь отдаленно напоминающие человеческую речь. Ему гораздо проще переразнить собачий вой, доносящийся с улицы. Его квартира — берлога, камера-одиночка, в ко-

торой за долгие годы волей-неволей все уподобилось ему. Пространство заполнено его двойниками. Крэпп — это не только живое получеловеческое существо. Крэпп — это его собственная тень на занавеске. Крэпп — это пыльный черный стол со старательно закрытыми на ключ, пустыми, бездонными ящиками. Крэпп — это жесткий неудобный стул. Крэпп — это старый гроссбух. Крэпп — это старая кровать с урюжными чугунными решетками — одновременно и одр, и могила. Крэпп — это грязный стакан. Крэпп — это бутылка с чем-то алкогольным. Но главное, Крэпп — это коробки с магнитофонными лентами и сам магнитофон: единственный «живой» собеседник, его память, его совесть, его жизнь, его «все».

Его первые слова — исковерканная человеческая речь. Старик чудовищно немощен и чудовищно жалок, но осязаемо, что немощность эта не от преклонного возраста, не от физических недугов, а от душевной пусто-

ты, вытравливания из себя целого века, человечности. Иногда циклы его действий прерываются паузами застылых поз с ужасными гримасами. Раскрывая пыльный унылый гроссбух, он прячется за ним, как за ширмой, от света, от мира. Еще один цикл — главный, фатальный — прослушивание собственных записей прежних лет. В них едва ощутимы намеки на человечность.

От записи к записи Крэпп—Джигарханян становился все безобразнее, все ничтожнее, все жалче. Он терял все. И наконец потерял даже самого себя. Его одиночество достигло крайнего предела. Человека не стало вовсе. Страницы магнитофонного дневника пролистаны. Нужно вписать что-то новое. Но сказать нечего. В последний раз включен микрофон, налит стакан, поставлена чистая лента. На ней останется лишь нечеловеческий вой Крэппа—Джигарханяна, подхваченный после его смерти на кровати-двойнике собачьим воем.